

Голос без имени. Принципы и функции «официального языка»*

Положенцев А. М.

В речь (discours), которую я должен произнести сегодня... мне хотелось бы проскользнуть тайком. Вместо того, чтобы брать слово, я хотел бы, чтобы оно само окутало меня и унесло как можно дальше... Я предпочел бы обнаружить, что в тот момент, когда мне нужно начинать говорить, мне давно уже предшествует некий голос без имени... вместо того, чтобы быть тем, из кого речь проистекает, я был бы тогда незначительным пробелом, точкой ее возможного исчезновения.

Мишель Фуко. Порядок дискурса

Рассуждения в данной работе носят довольно абстрактный характер и имеют смысл в рамках определенной социальной онтологии, некоторые особенности которой представлены в других работах¹. Чтобы не воспроизводить их содержание, скажем в двух словах суть нашей проблемы. Современный социальный мир имеет дело с особым типом субъектов, коренным образом отличающихся от обычных (индивидов). Речь идет о субъектных формах существования различных социальных институтов. Жизнь данных субъектов состоит из целого ряда актов, которые в своей основе являются вербальными сообщениями. Так называемый «официальный язык» является и тем инструментом, с помощью которого осуществляются данного рода акции, и той средой, в которой эта жизнь протекает, и той «материей», из которой выстраивается, на, так сказать, атомарном уровне нынешняя социальная жизнь всех прочих субъектов, и даже той силой, с помощью которой эти субъекты создаются.

Мы рассматриваем «официальный язык» не как вариант русского литературного языка, а в качестве самостоятельной семиотической системы, имеющей собственные семантику, синтаксис и

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00420).

¹ Например, в статье «Профессиональное сообщество и современная социальная онтология», опубликованной в этом сборнике.

прагматику и существенно отличающейся от других языковых форм, особенно в части синтаксиса и прагматики. Но, что является самым существенным для социального (а не лингвистического) анализа, высказывания, созданные с помощью данного языка, имеют самостоятельный онтологический статус. Они являются элементами (стихией!), из которых формируется современная социальная реальность.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что в российском языковом пространстве имеется особый язык, функционирующий в качестве «языка власти», основная задача которого состоит в осуществлении коммуникации¹ между сообществом и неким квази-субъектом в его различных ипостасях (в виде ветвей власти, институтов и т. п.), обозначаемым термином «государство». Социальная онтология сущностей данного типа нами в общих чертах уже анализировалась. Здесь можно повторить, что данный тип субъектов в современной культуре принял черты сакральных субъектов, коммуникациями с которыми пронизан социальный дискурс не менее, чем мир традиционных обществ (был) насыщен коммуникациями с сакральными сферами. В данном исследовании нас интересует исключительно конкретная лингвистическая и семиотическая ситуация, возникающая в результате подобных онтологических сдвигов.

Дело в том, что этот особый социальный слой (квази-субъекты и всевозможные юридические лица, фирмы, бренды составляют такой слой современных «развитых» обществ) требует для себя особого рода коммуникаций. В традиционных культурах такую функцию брал на себя сакральный язык, зачастую являющийся генетически особым языком, языком, на котором невозможны и даже запрещены коммуникации профанного типа². Такую ситуацию в социолингвистике

¹ Стоит ли указывать на то, что так называемый дискурс социальных наук, который используется в том числе и в этом тексте, являет собой вариант того же официального языка, который пытается изучать?

² Б. А. Успенский, характеризуя языковую ситуацию в Московской Руси как диглоссию церковнославянского и русского языков, писал: «Применение этого (церковнославянского — А. П.) языка в неподобающей ситуации может рассматриваться как прямое кощунство — точно так же, как недопустимо и кощунственно и обратное явление, т. е. употребление русского (разговорного) языка в ситуации, предписывающей использование языка церковнославянского». Успенский Б.А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. С. 33.

принято называть диглоссией, отличающейся от билингвизма коренным образом: в случае с диглоссией применение различных языков определяется контекстом (социальной прагматикой).

Мы уже говорили о том, что все агенты социального мира находятся в иерархической зависимости, верхушку которой составляют институты государственной власти. Эта власть уже давно (хотя история этого вопроса еще не написана) создала для себя всю необходимую экзистенциальную инфраструктуру, дающую ей право учреждать себя в виде субстанции. И более того, она приобрела черты вполне земного, даже человеческого существа. Она придала себе национальные черты, определила свою культуру, духовную сферу (а не только телесную, экономическую и правовую, как было с гоббсовым левиафаном). Также некоторые государства определились с официальной моралью¹, другие нет². В отличие от государства, давно доказавшего свое право на полноценное субъектное существование, в случае с корпоративными субъектами мы видим только самое начало процесса самоопределения. Мы видим, как в сфере духа разворачивается настоящая борьба за полноценное существование, которая выражается в создании корпоративной культуры, философии и мо-

Там же (с. 53 и сл.) приводится в пример текст доношения А. П. Сумарокова 1774 г. (когда эта диглоссия уже перешла в двуязычие), обвинявшего полицейского чиновника капитана Баранова, прибегнувшего к церковнославянскому языку там, где положено было изъясняться «в складке приказном», в кощунстве. См.: Оснадцатый век. Исторический сборник / Изд. П. Бартеневым. М., 1869. Кн. 3. С. 186.

¹ Так, 5-ю ступень в модели развития морального сознания Л. Кольберга, которая ориентируется на индивидуальные права и социальный договор, и относящуюся к постконвенциональному уровню, называют «официальной моралью» американского правительства и Конституции США. См.: Kolberg L. From Is to Ought // *Cognitive Development and Epistemology* / Ed. Th. Mischel. N.Y., 1971; Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002.

² В российском государственном самосознании сфера морали не определена (еще). Так, мы слышим о смутной «морально-этической» сфере, под которой понимаются обычно правила приличия, легальность, сказал бы Кант, быть может даже сфера этикета; о «морально-волевых качествах», под которыми имеются в виду сила духа, воля к достижению цели; о «нравственно-патриотическом воспитании», где речь идет о служении национальным интересам. При этом, как правило, ни у кого не возникает и тени подозрения, что во всех этих конструкциях нет ни слова о морали, понимаемой в духе новоевропейского самосознания.

рали¹. Вполне возможно, что причины обострения этой борьбы связаны с повышением степени финансовой самостоятельности. В таком случае (особенно если мы ведем речь о хозяйствующих субъектах, непосредственно занимающихся экономической деятельностью) мы можем говорить об инвестировании данных субъектов в самосознание (в том числе и в нравственное). Финансирование в современной социальной реальности имеет креативную силу. По сути, появление на свет любого нового «рукотворного» феномена обусловлено, в первую очередь, потоком инвестиций, создающим определенное поле социального, интеллектуального и технического напряжения. Финансы предоставляют необходимую энергию, выводящую инновации из «небытия» (или социального подсознания). Инновация уже не дело техники, а раздел банковского дела. Достаточное финансирование является необходимым условием для технического решения задач любой сложности². Инвестирование представляет собой (в том числе) процесс созидания макросубъектов, и здесь так же вопрос финансирования может сыграть ключевую роль в достижении цели. Воля-к-мощи приобрела количественные характеристики (в виде банковского счета). Но для нас сейчас важно указать на то, что часть финансирования эти институты направляют на собственное духовное развитие, в том числе на буквальное развитие собственного самосознания. В свое время поднималась тема об экономической нецелесообразности вложений в рекламу крупными брендами, которые и без того являются образцами в своем классе. В этом ключе стоит заметить, что в данном случае речь идет уже не о рекламе, а об инвестиции в собственное имя, которое стоит, безусловно, много больше, нежели производимая вами продукция. Конечно, с экономической точки зрения было бы целесообразнее ограничиться простым увеличением счета. Однако самосознание является более высокой формой аккумуляции средств.

Однако вернемся к языку. Как уже говорилось, для воспроизводства современной социальной онтологии используется особая языковая форма или даже особый язык, который выполняет, в пер-

¹ На сайте любой стоящей корпорации можно увидеть страницы, посвященные развитию этих высших форм самосознания.

² Например, британский геронтолог Обри ди Грей за миллиард долларов обещает продлить человеческую жизнь до тысячи лет. Достижение бессмертия нуждается лишь в бесконечном финансировании.

вую очередь, онтологические функции. Некоторые лингвистические, политические, стилистические особенности этого языка исследовались в недавнем прошлом¹, однако связывались они в первую очередь с определенной социально-политической эпохой, а не с особой социальной онтологией, конституируемой данным языком². Однако перечень этих особенностей показывает, что язык этот продолжает жить и здравствовать, выполняя свои социально-политические функции. Укажем некоторые из них:

— высокий вес формульных высказываний и ритуализированной речи;

— замена оппозиции *истина/ложь* оппозицией *правильное/неправильное*;

— наличие лозунгового и праздничного субдискурсов (напр.: *народ и партия едины; слава советскому народу, народу-победителю*)³;

— номинализация (*рост производительности труда, повышение авторитета партии...* ср. современное: *снижение темпов роста естественной убыли населения*)⁴ вкуче с чрезвычайной частотностью родительного падежа⁵;

¹ Вот некоторые работы в данном направлении: Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34; Серιο П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999.

² Характерны названия этого феномена: «тоталитарный дискурс» (Левин Ю. М. Истина в дискурсе), «деревянный язык» (ср. «свинцовый язык» в коммунистическом Китае; см.: Серιο П. Деревянный язык, чужой язык и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25)).

³ Левин Ю. И. видел в этом родство тоталитарного дискурса с церковным, некрологическим, инициационным и пр. субдискурсами.

⁴ «Наша гипотеза состоит в том, что высокая частотность номинализаций в исследуемых текстах (речах Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева на партийных съездах. — А. П.) является показателем особого типа отношений, связывающих текст как конечный замкнутый продукт с условиями его производства, с внешней, специфической для него средой». Серιο П. Русский язык... С. 340.

⁵ Так, слово коммунизм в речи Хрущева в 39 случаях из 60 встречается в родительном падеже и только один раз в именительном. Следует сказать, что в русском языке родительный падеж вносит двусмысленность в логическую структуру высказывания, поскольку не указывает, идет ли речь об объекте или о субъекте высказывания.

— нейтрализация глагольных признаков, ведущая к двусмысленностям и неопределенностям (*развитие сельского хозяйства; (не!)принятие мер по повышению оплаты труда...*);

— повышенное количество аналитических сказуемых (*профинансировать=осуществить финансирование; подтверждать=являться подтверждением; высоко оценить=дать высокую оценку*).

Можно выделить еще ряд лингвистических и стилистических особенностей данного типа дискурса¹, однако нас интересует другой вопрос: не то, как устроен этот язык, а то, что с его помощью делается. Вот некоторые функции социально-онтологического порядка, которые, на наш взгляд, являются наиболее характерными для него:

1. *Метаязыковая*. Существует класс высказываний, определяющих легитимную форму и порядок генерации официальных высказываний. Особенностью всех официальных предложений является их письменная форма. Любое устное высказывание только тогда может стать официальным документом, когда будет определенным образом переведено в письмо. Помимо использования специфических лингвистических форм (вырабатываемых на бессознательном уровне), имеются правила организации документа, без которых текст не может быть признан действительным (деловое письмо должно быть написано в определенном жанре, иметь дату и подпись, указание на определенные социальные и политические «координаты» адресата и адресанта, такие как место рождения и/или проживания и т. д.).

2. *Креативная*. Высказывания данного типа являются декларативными, они объявляют о создании и начале существования новых субъектов, объектов, отношений или законов, создающих и регулирующих социальную сферу. Такие высказывания являются актами и всегда имеют календарную дату, начиная с которой их сила вступает в действие. Как правило, они имеют также указание на место в пространстве, из которого они исходят (например, Кремль; Москва; но и: Регистрационная Палата, то есть институт, не имеющий географической привязки). С помощью данных высказываний задаются космологические характеристики социального мира, его границы, объекты, определяется социальный центр и т. д.

3. *Номинативная*. Данная инстанция обладает исключительным правом присвоения имен собственных. Как правило, государ-

¹ См. главу «Язык и власть» в кн.: Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб., 2004. С. 197–225.

ственный орган безразличен к самим именам, за исключением тех случаев, когда нарушена чья-либо собственность на имя (государственная, общественная или частная). Однако только эта инстанция имеет право признать ваше имя законным. Ваше имя (или имя какой-либо вещи, продукта, юридического субъекта) может быть продублировано каким-нибудь иным именем (например, порядковым или номенклатурным номером, несущим информацию о ваших социальных координатах).

4. *Нормативная.* С помощью данных высказываний производится нормотворчество. Эти высказывания определяют количество и характер социальных порядков, релевантных в данной структуре.

5. *Фатическая.* Этими высказываниями производится обозначение власти. Высказывания могут быть практически бессодержательными, они просто фиксируют источник власти.

6. *Означающая.* Предложения официального языка производят семантизацию социального пространства. Они распределяют агентов по их социальным местам, производят иерархизацию социальной структуры, а также определяют местоположение самой власти.

7. *Функция запрета.* Несмотря на свою тотальную публичность, власть во многих своих проявлениях оказывается предметом, закрытым для какого-либо социального и социологического исследования. Было бы глупо не воспользоваться (конечно, исключительно в научных целях) таким положением для решения определенных методологических задач в социальных науках. По этому поводу вспоминается одно замечание Э. Эванс-Причарда о социальной организации нуэров, народа весьма агрессивного и замкнутого, по крайней мере, по сравнению с ранее изученными им же азанде¹. Безусловно, власть закрывается от исследования, причем весьма агрессивно (надо же ей как-то обозначать себя). Делать тайну (невывыказанное и даже невысказываемое) из чего угодно, из самых обыденных и недостойных упоминания вещей — ее священный долг перед обществом. Так, две недели назад ми-

¹ «Азанде не допускали меня к себе как члена своей общины, а нуэры требовали, чтобы я был одним из них. Среди азанде я был вынужден жить вне общины, у нуэров меня заставляли стать ее членом. Азанде считали меня стоящим выше них, а нуэры — равным себе... Я жил в теснейшем контакте с нуэрами и поэтому узнал их ближе, чем азанде, о которых, однако, я могу писать намного детальнее и глубже». Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. М., 1985. С. 25.

нистр иностранных дел Китая был буквально взбешен, когда его журналист в третий раз спросил о судьбе одного китайского партийного деятеля (тот действительно через несколько дней умер). «Вам что, больше не о чем спросить?» Тайна (запрет на дискурс) становится таким же действенным инструментом обозначения власти, как и производство правил организации дискурсов. Однако изучение этих запретов, равно как и семиотики высказываний, способно рассказать о жизни этих структур гораздо больше, нежели можно понять, пытаясь рационально истолковывать заключенное в них содержание.

Деконструкция нормативно-символического пространства идентичности дискурсивного сообщества: потерянный горизонт Другого и власть виртуального*

Щукин Д. А.

Анемия универсального основания моральной оценки заставляет субъекта искать точку отсчета этической системы на границе между дискурсами, в разнице между интерпретативными практиками различных сообществ. Дискурсивное сообщество производит дискурсы внутри замкнутого пространства: возрастной, гендерной, этнической, религиозной, политической статусной или профессиональной группы, цементированной единым габитусом. Нормативно-символические системы, созданные в рамках дискурсивных сообществ, реализуют логику негативной идентичности в стремлении отличить себя от других групп. Данное утверждение доказывает тот факт, что установления, обладающие запретительным характером, то есть осуждающие поведение стороннего субъекта, как правило, превалируют над собственно позитивными императивами. Нормативно-символическое основание является максимально эффективным с точки зрения поддержания устойчивой групповой динамики,

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (Проект № 12-03-00420).